

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АРИСТОВ и ГРОМОВ против РОССИИ»

(Жалобы №№ 76191/12 и 5438/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

Вынесено и вступило в силу
9 октября 2018 года

*Данное постановление является окончательным, но может быть
подвергнуто редакционной правке.*

По делу «Аристов и Громов против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседаая Комитетом в составе:

Бранко Лубарда, *Председатель*,

Пере Пастор Виланова,

Георгиос А. Сергидес, *судьи*,

а также Фатош Араджи, *заместитель Секретаря Секции*,

проведя 18 сентября 2018 года заседание за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании двух жалоб (№№ 76191/12 и 5438/13) против Российской Федерации, поданных в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») двумя гражданами Российской Федерации, Вячеславом Вячеславовичем Аристовым и Александром Николаевичем Громовым (далее — «заявители»), 21 ноября 2012 года и 15 января 2013 года, соответственно.

2. Интересы заявителей представляли К. Терехов и А. Навальный, адвокаты, практикующие в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем — его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. 28 августа 2014 года жалобы были коммуницированы Властям.

4. Власти возражали против рассмотрения жалобы Комитетом. Рассмотрев возражение Властей, Европейский Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Первый заявитель (Аристов), 1986 года рождения, проживает в г. Москве. Второй заявитель (Громов), 1983 года рождения, проживает в Московской области.

А. Демонстрация 6 мая 2012 года

6. Факты, касающиеся планирования, проведения и разгона демонстрации на Болотной площади, более подробно изложены в постановлении Европейского Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*) (жалоба № 74568/12, пункты 7-65), а также в постановлении Европейского Суда от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*) (жалобы №№ 2653/13 и 60980/14, пункты 7-33). Заявления сторон относительно обстоятельств, имеющих непосредственное отношение к настоящим делам, изложены ниже.

7. 6 мая 2012 года в центре Москвы прошла демонстрация под названием «Марш миллионов» в знак протеста против предположительно сфальсифицированных результатов президентских выборов. Мероприятие было согласовано городскими властями в форме шествия и последующего митинга на Болотной площади, который должен был завершиться в 19.30. Шествие было мирным и проходило без каких-либо нарушений, но, когда участники шествия дошли до Болотной площади, стало очевидным, что установленные полицией заграждения сузили проход на место проведения митинга и предположительно сократили пространство, выделенное для его проведения. Для контролирования толпы полицейский кордон удерживал протестующих в периметре заграждений. Между полицией и протестующими произошло несколько столкновений. В 17:30 полиция объявила о досрочном завершении митинга и начала разгонять участников. Для того чтобы очистить площадь от протестующих, потребовалось около двух часов.

8. Заявители принимали участие в демонстрации на Болотной площади 6 мая 2012 года. Они были задержаны на месте проведения мероприятия и доставлены в отделения полиции, где им были предъявлены обвинения в совершении административных правонарушений. После ночи содержания под стражей заявители предстали перед мировыми судьями, и заявителям были вынесены обвинительные приговоры по предъявленным обвинениям.

В. Задержание, содержание под стражей и осуждение заявителей по обвинениям в совершении административных правонарушений**1. Первый заявитель (Аристов)**

9. По словам первого заявителя, во время демонстрации он стоял на пересечении Малого Каменного моста и Болотной набережной и снимал мероприятие на видеокамеру. В 18 часов полиция вытаскила его из толпы и задержала, хотя он не участвовал в беспорядках.

Заявитель не оказывал сопротивления сотрудникам полиции, которые не отдавали распоряжений во время его задержания.

10. По утверждениям Властей, первый заявитель был задержан в 18 часов на Болотной площади, потому что участвовал в прорыве полицейского оцепления и игнорировал приказы полиции прекратить свои действия.

11. В 19.20 первый заявитель был доставлен в отделение полиции Басманного района г. Москвы. В отделении полиции дежурный офицер составил протокол об административном доставлении заявителя для цели составления протокола об административном правонарушении. Протокол об административном задержании гласил, что заявитель был задержан в 19.20 в отделении полиции и освобожден 7 мая 2012 года в 9.20.

12. После этого дежурный офицер составил протокол об административном правонарушении на основании рапортов и объяснительных записок сотрудников полиции П. и Ч., которые задержали заявителя. Эти рапорты и записки были составлены с использованием идентичного шаблона и не содержали индивидуальной информации, за исключением личной информации сотрудников полиции и имени заявителя. Заявителю были предъявлены обвинения в неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции — правонарушение согласно пункту 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях. Текст протокола об административном правонарушении повторял полицейские рапорты, в которых говорилось следующее:

«... [заявитель], действуя в составе группы из 15 000 граждан, принял участие в санкционированном митинге ... скандировал лозунги «Россия без Путина», «Путин - вор» и «Единая Россия» - партия жуликов и воров». Во время мероприятия [участники] прорвали полицейское оцепление и попытались выйти на Красную площадь; [заявитель] не отреагировал на многочисленные законные требования сотрудников полиции П. и Ч. прекратить прорыв полицейского оцепления и продолжил свои незаконные действия в нарушение пункта 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях».

13. 7 мая 2012 года первый заявитель предстал перед мировым судьей судебного участка № 100 района Якиманка г. Москвы. Заявитель настаивал на том, что он не прорывал полицейское оцепление и был задержан полицией без каких-либо предупреждений или распоряжений. Он ходатайствовал о вызове двух задержавших его сотрудников полиции в качестве свидетелей. В удовлетворении данного ходатайства было отказано в целях ускорения производства по делу. Суд допросил двух свидетелей защиты и изучил видеозапись, представленную представителем заявителя.

14. На основании рапортов и объяснительных записок сотрудников полиции, а также записей об административном доставлении и

задержании суд установил, что заявитель совершил административное правонарушение, предусмотренное пунктом 1 статьи 19.3 КоАП, как это описано в протоколе об административном правонарушении. Суд отклонил как ненадежные показания свидетелей защиты, которые утверждали, что заявитель не скандировал какие-либо лозунги в их присутствии и не участвовал в прорыве оцепления. Что касается видеозаписи, она была отклонена на том основании, что на ней были зафиксированы события, предшествовавшие задержанию заявителя, но не само задержание. Кроме того, звук на видеозаписи отсутствовал, и, следовательно, она не доказывала, выкрикивал ли заявитель лозунги или нет. Суд приговорил заявителя к 24 часам административного ареста.

15. 22 мая 2012 года Замоскворецкий районный суд города Москвы рассмотрел апелляционную жалобу заявителя на решение от 7 мая 2012 года. Заявитель повторил свое ходатайство о вызове и опросе двух сотрудников полиции, которые задержали его 6 мая 2012 года, но суд отклонил его ходатайство из-за того, что заявитель не назвал имена этих сотрудников. На заседании суда заявитель настаивал, что он не выкрикивал лозунги и не участвовал в прорыве полицейского оцепления. Суд допросил двух свидетелей защиты, которые подтвердили информацию заявителя о событиях, но заявили, что они не были свидетелями его задержания. Их показания были отклонены как ненадежные, поскольку оба свидетеля были друзьями заявителя. Основываясь на рапортах и письменных показаниях сотрудников полиции, районный суд оставил без изменения решение суда первой инстанции.

2. Второй заявитель (Громов)

16. По словам второго заявителя, 6 мая 2012 года в 16 часов он приехал на Болотную площадь для участия в санкционированной демонстрации. Он не смог покинуть место проведения мероприятия, потому что все пути от площади были оцеплены полицией. Заявитель стоял в толпе, ожидая дополнительной информации о демонстрации от ее организаторов. Около 19.30 он увидел депутата Госдумы Пономарева с мегафоном и подошел ближе, чтобы послушать его вместе с десятью другими участниками. В этот момент несколько полицейских выбежали из оцепления и задержали депутата и всех лиц, находившихся вокруг него, включая заявителя.

17. По утверждениям Властей, второй заявитель был задержан в 20.10 на Болотной площади 6 мая 2012 года, потому что он участвовал в прорыве полицейского оцепления и игнорировал приказы полиции прекратить свои действия.

18. В 21 час второй заявитель был доставлен в отделение полиции района Вешняки г. Москвы. В отделении полиции дежурный офицер

составил протокол об административном доставлении заявителя в 21.10 для цели составления протокола об административном правонарушении. В 21.20 в отношении заявителя было применено административное задержание; согласно протоколу об административном задержании, он был освобожден 7 мая 2012 года в 10.50.

19. Второму заявителю были предъявлены обвинения в неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции — правонарушение, предусмотренное пунктом 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях. Протокол об административном правонарушении содержал печатный шаблон с текстом, который гласил:

«... [заявитель] не подчинился законному распоряжению сотрудника полиции, выполняющему служебный долг по поддержанию общественного порядка и обеспечению безопасности. В частности, [полиция] неоднократно заявляла через громкоговоритель законные требования прекратить шествие, но [заявитель], действуя в составе группы граждан, прорвал [полицейское] оцепление. [Он] не отреагировал на многочисленные требования [полиции] прекратить эти действия и разойтись и продолжил свои незаконные действия, привлекая таким образом внимание общественности и средств массовой информации. [Заявитель] пытался создать суматоху среди граждан, тем самым демонстрируя свой отказ подчиниться законным распоряжениям сотрудников полиции и не позволяя им выполнять свои служебные обязанности в нарушение пункта 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях».

20. В материалах дела об административном правонарушении содержались два рукописных рапорта полицейских Д. и С., которые задержали второго заявителя 6 мая 2012 года. Рапорты содержали описание действий заявителя, повторяющее описание в протоколе об административном правонарушении.

21. 7 мая 2012 года второй заявитель предстал перед мировым судьей судебного участка № 100 района Якиманка г. Москвы, который отложил рассмотрение дела до 17 мая 2012 года. 15 мая 2012 года суд принял решение о передаче дела в связи с отсутствием юрисдикции.

22. 14 августа 2012 года мировой судья судебного участка № 114 Люберецкого района Московской области рассмотрел обвинения, выдвинутые в отношении второго заявителя. По его ходатайству, суд допросил сестру заявителя, которая была свидетелем его задержания. Она подтвердила его версию событий (см. пункт 16 выше), но суд не принял во внимание ее показания как ненадежные. Суд также допросил сотрудников полиции Д. и С., которые заявили, что после окончания демонстрации, около 20 часов 6 мая 2012 года заявитель, действуя в составе группы граждан, прорвал полицейское оцепление и начал шествие к Красной площади. Поскольку он не отреагировал на многочисленные требования прекратить свои действия, то был

задержан вместе с другими участниками после приказа по громкой связи.

23. На основании показаний и рапортов сотрудников полиции суд признал второго заявителя виновным по пункту 1 статьи 19.3 КоАП и приговорил его к штрафу в размере 700 российских рублей (около 18 евро в период рассматриваемых событий).

24. Второй заявитель обжаловал это решение, указав, что он был задержан сотрудниками ОМОН, а не Д. и С. 24 сентября 2012 года Люберецкий городской суд Московской области рассмотрел апелляционную жалобу и оставил в силе решение от 14 августа 2012 года. Городской суд отклонил утверждения заявителя и счел, что показания Д. и С. о неподчинении заявителя их законным требованиям прекратить шествие после окончания мероприятия заслуживают доверия.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

25. Для ознакомления с соответствующими нормами внутригосударственного права см. упоминавшееся выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункты 77-79.

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ

26. В связи с тем, что данные жалобы имеют общую фактическую и правовую основу, Суд принял решение объединить две жалобы в одно производство в соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

27. Заявители жалуются на то, что их задержание 6 мая 2012 года, за которым последовало содержание под стражей в отделении полиции в течение ночи, было незаконным и произвольным. Они основывают свою позицию на пункте 1 статьи 5 Конвенции, которая, в части, применимой к настоящему делу, гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения ...»

А. Приемлемость жалобы

28. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также указывает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалоб

1. Заявления сторон

29. Заявители утверждали, что вместо того, чтобы освободить их через три часа после задержания 6 мая 2012 года, их оставили под стражей в полиции. Эта мера пресечения была применена в целях обеспечения их присутствия на слушании дела мировым судьей на следующий день. Однако ни Власти, ни внутригосударственные органы власти не представили обоснования такой меры. Отсутствовали основания полагать, что заявители скроются или иным образом будут препятствовать отправлению правосудия, и в любом случае, органы власти не смогли доказать наличие любого такого риска.

30. Власти утверждали, что заявителей доставили в отделения полиции в течение двух часов после их задержания, которое не было «явно необоснованным». Законными основаниями для их доставления была статья 27.2 Кодекса об административных правонарушениях, которая наделяла полицию полномочиями доставлять физических лиц в отделение полиции с целью составления протокола об административном правонарушении. После того, как в отношении заявителей были составлены протоколы об административном правонарушении, они были административно задержаны (статья 27.3 Кодекса). Срок такого задержания должен отсчитываться с момента, когда лицо было доставлено в отделение полиции, и не должен превышать сорока восьми часов в соответствии со статьей 27.5 Кодекса. Оба заявителя провели 14 часов в отделениях полиции, что не превышало срок, установленный законом. В целом, Власти считали,

что лишение заявителей свободы соответствовало нормам внутригосударственного права и требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции.

2. Оценка жалоб, данная Европейским Судом

31. Суд напоминает, что выражения «законный» и «в установленном законом порядке» в пункте 1 статьи 5 Конвенции относятся непосредственно к внутригосударственному праву и указывают на обязательство соответствовать его материальным и процессуальным нормам. Тем не менее, «законность» содержания под стражей в соответствии с внутригосударственным правом не всегда является решающей. Суд должен в дополнение убедиться, что содержание под стражей в рассматриваемый период соответствовало цели пункта 1 статьи 5 Конвенции, которая заключается в том, чтобы предотвращать лишение лиц свободы произвольным образом. Кроме того, список исключений в отношении права на свободу, перечисленных в пункте 1 статьи 5, является исчерпывающим, и только узкое толкование этих исключений согласуется с целью этого положения, а именно, обеспечить, чтобы никто не был лишен свободы произвольно (см. постановление Европейского Суда от 1 июля 1997 года по делу «Джулия Манцони против Италии» (*Giulia Manzoni v. Italy*), пункт 25, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-IV).

32. Суд отмечает, что оба заявителя были сначала доставлены в отделение полиции в соответствии со статьей 27.2 Кодекса об административных правонарушениях, а затем уже в отделении полиции административно задержаны в соответствии со статьей 27.3 Кодекса (см. пункты 11 и 18 выше). Затем заявители находились под стражей в отделении полиции в течение четырнадцати часов, прежде чем их доставили в суд.

33. Что касается процедуры доставления, в протоколах об административном доставлении указывалось, что оба заявителя были доставлены в отделение полиции с целью составления протокола об административном правонарушении. Статья 27.2 Кодекса об административных правонарушениях предусматривает, что подозреваемый в совершении правонарушения может быть доставлен в отделение полиции с целью составления протокола об административном правонарушении исключительно в том случае, когда такой протокол не может быть составлен на месте выявления соответствующего правонарушения. Несмотря на то, что Власти не утверждали, что в случае каждого заявителя это было невозможно, Суд готов признать, что в контексте общего волнения и насилия, которое происходило на Болотной площади, полиция вряд ли могла составлять протоколы на месте (ср. с постановлением Европейского Суда от 26

апреля 2016 года по делу «Новикова и другие против России» (*Novikova and Others v. Russia*), жалобы №№ 25501/07 и 4 других жалобы, пункты 182-83).

34. Суд отмечает, что как только протокол об административном правонарушении был составлен, объективная цель препровождения заявителей в отделение полиции была достигнута, и заявители могли быть освобождены. Тем не менее, ни один из них не был освобожден в тот день; оба заявителя были официально заключены под стражу с целью обеспечения их явки на слушание дела мировым судьей на следующий день. Власти возражали, что срок содержания заявителей под стражей не выходил за рамки сорока восьми часов, предусмотренных статьей 27.5 Кодекса об административных правонарушениях. Однако ни Власти, ни какие-либо иные внутригосударственные органы не представили какого-либо обоснования, требуемого в соответствии со статьей 27.3 Кодекса, а именно, о наличии «исключительного характера дела» или «необходимости своевременного и надлежащего рассмотрения предполагаемого административного правонарушения и обеспечения исполнения любого назначенного наказания». В отсутствие каких-либо явных оснований, приведенных органами власти для обоснования отказа в освобождении заявителей, Суд считает, что их административное задержание в течение четырнадцати часов было неоправданным и произвольным (аналогичную аргументацию см. в постановлении Европейского Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России» (*Navalnyy and Yashin v. Russia*), жалоба № 76204/11, пункт 96).

35. Учитывая вышеизложенное, Суд приходит к выводу об отсутствии причин и законных оснований для избрания меры пресечения в виде заключения каждого заявителя под стражу в ожидании слушания их дела мировым судьей.

36. Соответственно, в отношении каждого заявителя было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

37. Заявители жаловались на то, что административное производство по их делам не гарантировало справедливого слушания дела, в частности, соблюдения принципов равенства сторон, независимости и объективности суда. Они ссылались на пункт 1 статьи 6 Конвенции, который в соответствующей части гласит:

«Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела независимым и беспристрастным... судом, созданным на основании закона».

А. Приемлемость жалобы

38. Власти утверждали, что статья 6 Конвенции неприменима к оспариваемому производству, поскольку заявителям было предъявлено обвинение в совершении административного правонарушения, а не уголовного преступления.

39. Ранее Суд установил, что уголовный аспект статьи 6 Конвенции применим к разбирательствам, связанным с обвинениями по статье 19.3 Кодекса об административных правонарушениях, наказуемыми штрафом или административным арестом (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункт 155; постановление Европейского Суда от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против России» (*Mikhaylova v. Russia*), жалоба № 46998/08, пункты 71-74; упоминавшееся выше постановление по делу «Навальный и Яшин против России», пункт 78; а также постановление Европейского Суда от 31 июля 2014 года по делу «Немцов против России» (*Nemtsov v. Russia*), жалоба № 1774/11, пункт 83). Суд не видит каких-либо оснований для того, чтобы прийти к какому-либо иному заключению в настоящем деле, и считает, что указанные разбирательства должны были проводиться в соответствии со статьей 6 Конвенции в ее уголовном аспекте.

40. Суд также отмечает, что данные жалобы не являются явно необоснованными в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям. Следовательно, данные жалобы должны быть признаны приемлемыми.

В. Существо жалоб

1. Заявления сторон

41. Заявители утверждали, что в отсутствие стороны обвинения судьи, участвовавшие в рассмотрении дела, взяли на себя роль обвинения. Следовательно, суд не был «независимым и беспристрастным» в значении статьи 6 Конвенции. Первый заявитель также утверждал, что внутригосударственные суды отклонили показания свидетелей защиты и видеозаписи, благоприятные для него, придав вес письменным показаниям сотрудников полиции.

42. Власти утверждали, что КоАП не предусматривает обязательное участие государственного обвинителя в каждом деле, касающемся административного правонарушения. Их доводы в этой связи были аналогичны доводам в постановлении Европейского Суда от 20 сентября 2016 года по делу «Карелин против России» (*Karelin v. Russia*), жалоба № 926/08, пункты 45-48). Власти далее утверждали, что заявителям была предоставлена справедливая возможность

обжаловать решения по своим делам во внутригосударственные суды, в частности, для обеспечения участия свидетелей от их имени и для представления других доказательств, таких как видеозапись. Кроме того, в деле второго заявителя суды допросили двух сотрудников полиции по собственной инициативе.

2. Оценка жалоб, данная Европейским Судом

43. Ранее Суд установил, что отсутствие стороны обвинения в контексте устных слушаний, влекущее вынесение решений по делам об административных правонарушениях, представляет собой серьезный недостаток в нарушение требования объективной беспристрастности, предусмотренного в пункте 1 статьи 6 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Карелин против России», пункты 69-84). Суд отмечает, что обязательные фактические и правовые элементы настоящего дела и дела Карелина (там же, пункты 59-68) являются схожими. Заявления сторон в настоящем деле не содержат оснований для отклонения Суда от выводов, сделанных ранее в этом отношении.

44. Что касается жалобы первого заявителя об отсутствии справедливого судебного разбирательства, Суд отмечает, что его осуждение за административное правонарушение (нарушение законных распоряжений сотрудников полиции) основывалось исключительно на версии событий, представленной полицией. Суд отмечает, что рапорты сотрудников полиции были составлены с использованием шаблона и не содержали какой-либо личной информации, кроме имени первого заявителя, а также имен и должностей сотрудников полиции, производящих задержание. Первый заявитель оспаривал обвинения, и два очевидца подтвердили его утверждения, но суды отклонили их показания, предполагая предвзятость с их стороны. Кроме того, заявитель предоставил видеозапись, которую суд не принял во внимание. Наконец, суды отказались вызвать и допросить сотрудников полиции в качестве свидетелей, хотя для этого не было никаких препятствий, и заявителю не была предоставлена возможность провести очную ставку с ними.

45. Отсюда следует, что единственные свидетельские показания против первого заявителя не были проверены во время судебного разбирательства. Суды обосновали свое решение исключительно стандартизованными документами, представленными сотрудниками полиции, и отказались принять во внимание дополнительные доказательства или вызвать сотрудников полиции. Суд считает, что, учитывая тот факт, что данный спор по поводу ключевых обстоятельств, которые легли в основу обвинения, где единственные свидетельские показания против заявителя получены от сотрудников полиции, которые принимали активное участие в оспариваемых

событиях, внутригосударственные суды были обязаны использовать любую разумную возможность для тщательной проверки инкриминирующих заявлений (см. постановление Европейского Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России» (*Kasparov and Others v. Russia*), жалоба № 21613/07, пункт 64). Несоблюдение этого правила противоречило основополагающим принципам уголовного права, в частности, *in dubio pro reo* (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункт 166, и дела, упоминавшиеся в нем). Кроме того, суды не требовали от полиции обоснования вмешательства в право заявителя на свободу собраний, которое включало в себя разумную возможность разгона собрания в случае соответствующего приказа (там же, пункт 64).

46. Поэтому Суд считает, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в части объективного требования беспристрастности в отношении каждого заявителя и нарушение этого положения в отношении справедливости административного разбирательства в отношении первого заявителя.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

47. Заявители указали на нарушение своего права на мирное собрание. Они жаловались, в частности, на подрывающие меры по обеспечению безопасности, принятые на месте проведения митинга на Болотной площади для целей преждевременного прекращения собрания, и на их задержание с последующим признанием их вины в совершении административного нарушения. Они ссылались на статью 11 Конвенции, соответствующая часть которой гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний ...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...»

А. Приемлемость жалобы

48. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также указывает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалоб

1. Заявления сторон

(а) Заявления Властей

49. Заявления Властей касательно мер общего характера, примененных на Болотной площади, были аналогичны заявлениями в упоминавшемся выше постановлении по делу «Фрумкин против России» (пункты 83-85). Что касается конкретных обстоятельств дела, Власти утверждают, что санкции были применены к заявителям в результате их неповиновения распоряжениям сотрудников полиции покинуть место проведения публичного протеста по окончании согласованного митинга. Обвинения, выдвинутые против заявителей, были связаны с конкретным актом неповиновения, совершенным после окончания санкционированного митинга, а не с их несогласием с решением о досрочном прекращении митинга. Это было особенно справедливо для второго заявителя, который был задержан даже после первоначально согласованного времени окончания митинга (19.30).

50. Власти сочли, что вмешательство в осуществление прав заявителей на мирные собрания отсутствовало и что в любом случае назначенное им наказание, то есть административный арест на срок 24 часов и штраф в размере 700 российских рублей, не было несоразмерным. Власти приходят к выводу, что как меры общего характера, принятые в отношении протеста в целом, так и меры индивидуального характера, принятые в отношении заявителей лично, являлись обоснованными в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Конвенции. Власти полагают, что эти меры соответствовали нормам внутригосударственного права, являлись необходимыми «в целях предотвращения беспорядков или преступлений» или «для защиты прав и свобод других лиц», а также были строго соразмерными.

(b) Заявления заявителей

51. Заявители указали, что вмешательство в их права в соответствии со статьей 11 Конвенции не было законным. Полиция не имела права давать им распоряжения, поскольку они не совершали административного или уголовного правонарушения. Власти не сообщили демонстрантам надлежащим образом о прекращении митинга и о распоряжении разойтись. Заявители не были осведомлены о решении Властей завершить акцию протеста. Заявители указали на то, что в соответствии с нормами внутригосударственного права сотрудники полиции сначала были обязаны приостановить протест и предоставить организаторам время для устранения нарушений, прежде чем завершать его. Однако в данном случае организаторам или

демонстрантам не было дано время, чтобы последовать инструкциям полиции и разойтись.

52. Что касается их задержания, заявители утверждали, что они действовали мирно и не совершали никаких противоправных действий. До их задержания полиция не давала им никаких предупреждений и никаких распоряжений, которых они могли бы послушаться. В целом они считали, что разгон демонстрации, их задержание и последующее признание виновными не были «необходимы в демократическом обществе».

2. Оценка жалоб, данная Европейским Судом

(а) Имело ли место вмешательство в осуществление права на свободу мирных собраний

53. Суд ранее устанавливал, что протест на Болотной площади 6 мая 2012 года относился к сфере применения статьи 11 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Ярослав Белоусов против России», пункты 168-71). Суд также пришел к выводу, что внутригосударственные органы власти не выполнили свои позитивные обязательства по обеспечению мирного проведения этого протеста (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*), пункты 93-130).

54. Что касается того, могут ли заявители лично опираться на положения статьи 11, Суд напоминает, что мирные участники протеста, омраченного отдельными актами насилия, совершенными другими участниками, не перестают пользоваться правом на свободу мирных собраний (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы» (*Kudrevičius and Others v. Lithuania*), жалоба № 37553/05, пункт 94, ECHR 2015, и решение Европейского Суда от 4 мая 2004 года по делу «Зилиберберг против Молдовы» (*Ziliberberg v. Moldova*), жалоба № 61821/00). Из представленных материалов не следует, что заявители были в числе лиц, ответственных за начальные акты агрессии, которые способствовали ухудшению первоначального мирного характера протеста. Что касается прорыва полицейского оцепления, вмененного заявителям, они отрицали, что прорвали оцепление, и даже если заявители оказались за пределами оцепления, нет никаких доказательств того, что это было результатом их преднамеренных усилий. Согласно документам в материалах дела, прорыв оцепления был вызван давлением толпы, которая возникла из-за неожиданного и необъявленного изменения органами власти площади проведения мероприятия (см. также упоминавшееся выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункты 113-16 и 132). Кроме того, поведение заявителей оставалось строго мирным, в том числе

скандирование политических лозунгов первым заявителем. Поэтому Суд считает, что статья 11 применима в отношении заявителей в настоящем деле

55. Что касается вмешательства в право заявителей на свободу собраний, Суд напоминает, что меры, принятые органами власти во время шествия, такие как разгон шествия или задержания участников, а также наказания за участие в митинге, представляют собой вмешательство (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Каспаров и другие против России», пункт 84, с содержащимися в нем ссылками). Поэтому Суд считает, что прекращение демонстрации, задержание заявителей на месте проведения мероприятия и осуждение за административные правонарушения представляют собой вмешательство в их право на свободу мирных собраний.

(b) Вопрос об обоснованности вмешательства

56. Суд рассмотрел обстоятельства, связанные с прекращением демонстрации на Болотной площади, в упоминавшемся выше постановлении по делу «Фрумкин против России», пункты 131-36, где заявления сторон были практически такими же, как в настоящем деле. Как и в деле «Фрумкин против России», Суд воздержится от анализа порядка разгона полицией протестующих на Малом Каменном мосту, поскольку это выходит за рамки дела заявителей. Суд рассмотрит меры, принятые в отношении заявителей лично.

57. Стороны спорят о том, были ли заявители задержаны до или вскоре после истечения срока, первоначально утвержденного для протеста, особенно в отношении второго заявителя. Однако для целей анализа по статье 11 достаточно отметить, что даже если заявители нарушили срок, меры, принятые в отношении них после окончания протеста, подпадают под действие этого положения (там же, пункт 138). Следовательно, указанные меры должны были соответствовать нормам законодательства, преследовать законную цель и быть необходимыми в демократическом обществе по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции.

58. Заявители оспаривали законность мер, принятых в отношении них, ссылаясь, в частности, на то, что у полиции не было оснований давать им распоряжения расходиться. Суд полагает, что в этом случае вопросы соблюдения закона и существования законной цели не могут быть отделены от вопроса о том, является ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе», и что нет необходимости рассматривать их отдельно (аналогичную аргументацию см. в упоминавшемся выше постановлении по делу «Немцов против России», пункт 75).

59. Суд учитывает заявление Властей о том, что усиленные меры безопасности, в частности, преследование лиц, обвиняемых в

преступлениях, совершенных 6 мая 2012 года на Болотной площади, были специально направлены на то, чтобы предотвратить создание незаконных палаточных городков (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункт 139). В то же время заявители не были задержаны и наказаны за нарушение правил публичного мероприятия. Даже если их присутствие на месте проведения митинга после его окончания должно было рассматриваться как высказывание ими возражения по поводу досрочного окончания протеста, это не является правонарушением, в совершении которого их обвиняют. По мнению внутригосударственных судов и в соответствии с представлениями Властей, они были задержаны, помещены под стражу и приговорены к 24-часовому аресту и административному штрафу за участие в прорыве полицейского оцепления и неподчинение законным распоряжениям сотрудников полиции прекратить эти действия и разойтись.

60. Суд далее отмечает, что оба заявителя оспаривали административные обвинения против них на том основании, что лежащие в их основе события фактически не имели места. Суд пришел к выводу, что внутригосударственные суды не смогли установить ключевые факты в рамках административного производства против первого заявителя, в частности, получал ли заявитель распоряжение от полиции или было ли оно законным, а также имело ли место неповиновение заявителя. В общем контексте столкновений между полицией и протестующими, которые произошли на Болотной площади, внутригосударственным судам необходимо было установить, действительно ли первый заявитель участвовал в прорыве полицейского оцепления. Более того, другие вмененные ему действия включали в себя скандирование антиправительственных лозунгов, которые были мирными и представляли собой протест, форму выражения мнения, гарантированную статьей 10 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 15 мая 2014 года по делу «Тараненко против России» (*Taranenko v. Russia*), жалоба № 19554/05, пункт 70). Внутригосударственные суды не учитывали, что, в случае превышения первым заявителем установленного срока, он сделал это в связи с осуществлением свободы выражения мнения и свободы собраний. Напротив, они наказали его за политическое заявление, которое он намеревался выразить посредством своего присутствия на месте проведения мероприятия, и за выкрикивание ненасильственных политических лозунгов (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Ярослав Белоусов против России», пункт 178).

61. Что касается второго заявителя, Суд отмечает, что внутригосударственные суды отклонили его версию событий, поддерживаемую другими доказательствами, включая показания

очевидца, и опирались на показания и рапорты сотрудников полиции. В решениях внутригосударственных судов не содержится никаких попыток установить соответствующие факты на основе сравнительной оценки противоречивых показаний заявителя, его сестры, а также сотрудников полиции. Кроме того, суды просто заявили, что он прорвал полицейское оцепление и продолжил свое участие в демонстрации, без проверки хронологии событий. Суд отмечает, что даже если, по словам органов власти, второй заявитель был задержан в 20.10, описание его правонарушения (см. пункт 19 выше) плохо согласуется в том фактом, что место проведения мероприятия было полностью освобождено от протестующих к 19.30 (см. пункт 7 выше). В отсутствие надлежащего рассмотрения соответствующих фактических и правовых аспектов дела внутригосударственными судами, последние не могут утверждать, что они «применяют стандарты, которые соответствуют принципам, закрепленным в статье 11» (см. постановление Европейского Суда от 25 июля 2017 года по делу «Анненков и другие против России» (*Annenkov and Others v. Russia*), жалоба № 31475/10, пункт 139 и упоминаемые в нем постановления).

62. Поэтому Суд не удовлетворен тем, что причины, приводимые внутригосударственными органами власти для оправдания вмешательства в соответствии со статьей 11 Конвенции, а именно, задержание заявителей на месте проведения мероприятия и их осуждение за административные правонарушения, являются соответствующими и достаточными. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что меры, принятые в отношении заявителей, должны были препятствовать посещению митингов протеста ими и другими лицами и, в более общем смысле, их участию в открытых политических дебатах. Сдерживающее воздействие таких санкций было дополнительно усилено большим числом задержаний, произведенных в тот день, что получило широкую огласку в СМИ.

63. Соответственно, в отношении каждого заявителя имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

64. Наконец, заявители жаловались, что прекращение их участия в публичном протесте, их задержание, помещение под стражу и осуждение за административные правонарушения преследовало цель подорвать их право на свободу и свободу мирных собраний. Они утверждали, что было допущено нарушение статьи 18 Конвенции, которая гласит следующее:

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

65. В своих замечаниях по данному пункту стороны повторили свои заявления в отношении предполагаемого вмешательства в право на свободу собраний, причин лишения заявителей свободы и гарантий справедливого судебного разбирательства в рамках возбужденного в отношении них административного производства.

66. Суд отмечает, что данная жалоба связана с жалобами, рассмотренными выше по статьям 5, 6 и 11 Конвенции, и поэтому она также должна быть признана приемлемой.

67. Суд уже установил, что задержание, заключение под стражу и признание вины в совершении административного правонарушения носили произвольный характер и что это могло негативно сказаться на их намерении и намерении других лиц принимать участие в протестных митингах или активно участвовать в оппозиционной политике (см. пункты 35 и 62 выше).

68. Принимая во внимание указанные выводы, Суд считает, что нет необходимости рассматривать вопрос о наличии нарушения статьи 18 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

69. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

70. Каждый заявитель требовал 11 000 евро в качестве компенсации -неимущественного вреда.

71. Власти заявили, что если Суд установит нарушение, сам по себе факт установления такого нарушения будет являться достаточной справедливой компенсацией. Власти указали, что любое решение, вынесенное Судом, должно при любых обстоятельствах учитывать личные обстоятельства каждого заявителя, в частности, продолжительность лишения свободы и степень тяжести наказания.

72. Суд установил нарушение статей 5, 6 и 11 Конвенции в отношении каждого заявителя. Произведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает каждому заявителю по 7 500 евро в качестве компенсации -неимущественного вреда.

В. Расходы и издержки

73. Каждый заявитель также требовал 1 100 евро в качестве компенсации издержек и расходов, понесенных им в ходе разбирательства в Суде.

74. Власти оспорили данные требования на том основании, что отсутствовали какие-либо доказательства того, что такие расходы были действительно понесены.

75. В соответствии с практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. Суд отмечает, что заявители не представили документальных доказательств, таких как договоры об оказании юридических услуг с их представителем, платежные квитанции или счета-фактуры, того, что они имеют юридическое обязательство оплачивать услуги адвоката или что они фактически оплатили их. Принимая во внимание имеющиеся материалы и собственную практику, Суд отклоняет требования каждого заявителя о возмещении издержек и расходов (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Новикова и другие против России», пункт 235).

С. Процентная ставка при просрочке платежа

76. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *решил* объединить данные жалобы в одно производство;
2. *признал* данные жалобы приемлемыми;
3. постановил, что в настоящем деле в отношении каждого заявителя было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
4. *постановил*, что в отношении каждого заявителя имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении требования объективной беспристрастности;

5. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции касательно справедливости административного судебного разбирательства в отношении первого заявителя;
6. *постановил*, что в настоящем деле в отношении каждого заявителя было допущено нарушение статьи 11 Конвенции;
7. *постановил*, что необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение статьи 18 Конвенции отсутствует;
8. *постановил*,
  - (а) что власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев выплатить каждому заявителю в качестве компенсации неимущественного вреда сумму в размере 7 500 (семи тысяч пятисот) евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, конвертированные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты;
  - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учётной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;
9. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 9 октября 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель Секретаря

Бранко Лубарда
Председатель